
Я
и
так
уже
порой
становлюсь
слегка навязчив.
Беспредметный
тёмный ящик,
опорошенный золой, —
человек неговорящий,
человек совсем простой.

Оставаться трудно спящим
– и становишься собой:
тесно запертым в квартире
посреди планет и лет,
но живущим, где любили
не тебя, а темный свет.

Время-камень буду грызть я,
прежде чем скончаться, ведь,
как известно, смысл жизни –
накопить себе на смерть.

А вот что копить – не важно.
Можно просто миражи.
Рядом дом многоэтажный
восклицающе бежит,
бездуховной твердой жаждой
всеоконно одержим.
Он в вуале голых линий,
он глазам моим предел.
Мы рождаемся глухими
среди массы прочих тел,
что застыли где-то в Риме –
и никто не постарел,
и стареть уже не станет.
Перевязанные лентой –
за перилами из зданий,
за оградой монументов –
вслед плывут за облаками.

Недавно
растворившихся империй
мерещились огни в момент излома.
Насколько бесконечные недели,
когда выходишь вечером из дома.

Спокоен пыльный сад на фоне штиля,
размазанный по сну у лесоруба.
Насколько нынче стала ощутима
безмерность окружающего шума.